

18+

СЕВЕР СТАРКОВ

член Российского союза писателей

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ

Мы так долго и виртуозно старались оправдаться,
что забыли — за что, а может утерян пин-код на
картах нашей памяти...

Север Старков

Без разрешения

«Издательские решения»

Старков С.

Без разрешения / С. Старков — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Сын
Человеческий ходит по воде, но теперь не на глазах у толпы, а в четыре утра,
чтобы проверить — не разучился ли. Не то служители любви вмиг опустят
в грунт на метр пятьдесят...»

© Старков С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Здравствуй, Джеронимо!	6
ГЛАВА 2	7
Вердикт — невиновен	7
ГЛАВА 3	9
Рыжий	9
ГЛАВА 4	11
К смерти	11
ГЛАВА 5	13
К жизни	13
ГЛАВА 6	15
Человеку	15
ГЛАВА 7	17
Себе	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Без разрешения

Север Старков

Дизайнер обложки Екатерина Дубянская

Военный консультант Олег Георгиевич Гагарин

Критик литературный Чекменева Елена

© Север Старков, 2026

© Екатерина Дубянская, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-9501-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

На самом деле, если я начну вас отговаривать от прочтения этой моей вкусовщины, поступлю вопреки. Но чтиво сие не для всех, наверное, скорее для избранных, чье сердце бьется в одном ритме с моим. Здесь собраны размышления, тексты, которые я публиковал в течении нескольких лет, эдакий глоссарий мыслей, иногда неудобные своей правдой, иногда горькие и тяжелые, в силу каких-то случившихся обстоятельств. Здесь же собраны реальные истории из моей жизни. В любом случае, эмоции от прочитанного будут, я обещаю.

Наврали нам, что «полковнику никто не пишет», — пишу Спасибо Гагарину Олегу, полковнику ВВС, за помощь в создании книги.

Глава 1

Здравствуй, Джеронимо!

(Тем, кто ждал продолжения этой истории...)

Девочка наткнулась на Йеронима в лесу, когда бежала звериной тропой. Изуродованная кукла, закутанная в мох и лишайник, лежала в яме и царапала пустыми глазницами небо.

Там, где еще недавно было сердце — зияла рваная дыра.

Там, где была душа — ползали жуки-мертвоеды. Лес вокруг на долгие вёрсты звучал не шелестом листьев, а каплями, тяжело падающими в стоячую затхлую воду — «кап... кап... кап...»

Девочка склонилась над куклой и прошептала, — «меня зовут Ленора».

Подобрав страшную куклу, она повлеклась домой. «Ты еще не знаешь, но душа как бере-ста, — слущится старая, выблестит новая, да золотая, ты не грусти, милый Йероним, все будет хорошо...» По извилистой тропе Ленора устремилась домой, спрятав свою страшную находку под шалью.

*

В доме пахло воском и сушёными травами. Положив куклу на скатерть, она принялась зашивать ей раны. Йероним подумал: «почему тебе не страшно держать в руках то, что даже смерть отвергла?...»

Но девочка не замечала в нем никакого уродства, она рисовала ему новую жизнь. «Это будет не шрам, это будет дорога, которая ведет к тому, кто ты есть на самом деле». Каждый новый стежок она называла по-своему. «Этот, как река, что омоет тебя от праха и пыли...» «Этот будет лес, что подарил тебе новую жизнь...»

Шепот Леноры словно застыл в воздухе, ее слова как магическая латынь, помогали сшивать рваные края чужого горя.

«Этот будет мхом, что согревал тебя в холода...» «Этот станет твоим дыханием...» «Этот прогонит от тебя псов в ночи...»

Замшелый лес за домом был молчаливым свидетелем того, как стежок за стежком, Йероним обретал новую жизнь. Наконец, в доме стало тихо. Стало тихо, как между ударами сердца. Ленора сняла с себя шаль, укутала его и прошептала: «теперь ты мой, — здравствуй, Джеронимо». Она подарила ему июль.

ГЛАВА 2

Вердикт — невиновен

Виновен каждый = виноваты все, кроме тебя самого.

Правда это, или досужее, когда не хочется никого обвинять, хочется для всех стать всем, что ли...

Наверное, добреньким жить удобно. Ты добр, значит и к тебе люди будут проявлять лояльность. Ты не спрашиваешь, и тебе не станут задавать вопросы.

Проявил участие, получил медальку. Соблюл — удостоили.

Выкрутился — оправдали.

Только на небесах они не звякают, все эти ордена. Хочется взять рупор в руки и выйти на три дня пустыни, как Креститель, закричать неудобную правду.

Когда вы меня спрашивали — кем стану, когда вырасту, я уже тогда осознавал, что не важно «кем», важно «каким», и это была моя первая правда самому себе.

Я не хотел её, и поэтому, наверное, отвечал — я стану [условно] космонавтом!

Я видел, когда одни рисковали, — другие сидели в курилке.

Когда одни показывали, как умеют ходить, не касаясь земли — другие в кабинетах патентного бюро ставили свой штампель: «невозможно, ибо абсурдно».

Сын Человеческий ходит по воде, но теперь не на глазах у толпы, а в четыре утра, чтобы проверить — не разучился ли.

Не то служители любви вмиг опустят в грунт на метр пятьдесят.

Я же теперь стою в пустыне, с этим мегафоном в руках, а там никого нет, и никто не придет. Потому, что никто больше не верит.

Спрашиваю себя неудобное — «они не верят... мне?»

«Они не верят себе», — изрек он, который я.

Спрашиваю Стоящего На Воде — «не страшно утонуть?»

«Страшно, когда не с кем», — отвечает.

А ведь да, ответ этот полон философской полноты, когда не с кем смеяться, не с кем созерцать,

шутить,

некому врать и некого любить,

не с кем разделить стол,

не с кем играть в полях Господних,

не с кем тонуть или ходить в облаках,

не с кем верить,

не на кого больше смотреть...

Мы так долго и виртуозно старались оправдаться, что забыли — за что. Словно б забытый пин код на картах нашей памяти.

Это не мы держали молоток.

Это не мы били в костыль.

Наша пустыня вовсе не там, где-то, она молчит внутри нас.

И тишина не оттого, что никто не пришел услышать, а потому, что некому стало кричать.

Мы не сможем изменить свою жизнь, если не научимся задавать неудобные вопросы самому себе. Нам всем нужен честный разговор с самим собой. Могу ли я поверить и достичь того, о чем даже думать сегодня страшно? Ведь есть люди, которые верят в меня больше, чем я сам...

ГЛАВА 3

Рыжий

Меня милиционеры потом спрашивали, почему Рыжий? А я не знаю, просто Рыжий и все, хотя он был весь серый, от макушки до хвоста. Обычный серый кот по типу Барсик.

На Севере принято, если ты идешь по своим делам, а где-то на подъезде сидит собака — не пройти мимо, а свернуть со своей суеты и впустить животное внутрь. С кошками по-другому, они появляются из ниоткуда и пытаются проникнуть в подъезд вместе с тобой, в идеале — быстрее тебя.

Однажды Маня Гальперина была свидетелем, как на каком-то квартирнике, не помню у кого, не помню чей, но кот, улучив момент тиснул со стола курицу. И жадный до одури этот самый, не помню чей, кот, хотел всю эту куру заглотить целиком и сильно подавившись стал носиться по хате, снося всё и всех на своем пути. Кошара с выпученными глазами пыталась нам тонко намекнуть, мол, вы, чудища кожаные о двух лапах, по спине постучите хоть. Но тщетно. Никто ничего не понял, и делать, соответственно, не собирался.

Тогда я неведомо какою силою сообразил, сгреб царапающегося котэ, и полез ему в глотку двумя руками. Тонкая, обломанная, острая краями куриная кость, стояла глубоко в недрах и намертво. Стихла музыка. Протрезвели окружающие, сочувственно давая под руку советы, желая бедному коту всех благ.

Через время сочувствующие сочувствовали уже мне, смазывая исцарапанные руки зеленкой. Но животное было спасено. Сима тогда иронически произнес, — «зеленый, как дракон...», и зафиналил фразочку матом.

Шли года. Старели мы. Приобретали седь и теряли хватку. Память оставалась верна. Поэтому та самая Маня Гальперина появилась однажды с подругой Леной на пороге моего дома, держа в руках серого котенка, который пытался мяукать, но вместо этого мог лишь открывать пасть. Котенок этот, как выяснилось, пытался прощиться в подъезд, — (тяжелая, тамбурная, железная дверь которого не была оборудована доводчиком), — но не рассчитав скорость своего прыжка и поправку на северные порывы ветра — оказался перебит этой самой дверью аккурат пополам.

— На, — передавая раненое тельце, — мы знаем, ты сможешь.

И ушли.

*

Котенок не мог ничего — ни есть, ни пить, ни ссать в тапки, как это у них принято. Шевелиться он тоже не мог, — каждое движение отзывалось болью в перебитом позвоночнике. Держа его в ладонях, я поймал положение, когда ему было более-менее терпимо, он переставал издавать звуки и проваливался в сон. А я сидел, пока не смог его устроить между подушек, — так он, полусидя, и спал довольно долгое время.

*

...у мамы была кошка Кэри. Кэри умела разговаривать с ней и раз в год исчезала из нашей квартиры на седьмом этаже. Тайна сия [где Кэри?!] была однажды раскрыта, — Кэри по весне прыгала с седьмого этажа на... пролетающих мимо голубей. Планировала с ними пару этажей,

гася инерцию и исчезала до следующих холодов. Однажды Кэри неудачно вышла «гулять» и поломалась к хренам.

Мама вытащила её из подвала, орущую и царапающуюся, выхаживала бедолагу, не отходя ни на шаг. Помню коробку, где лежала Кэри, какие-то бинты, я был маленький, и не понимал, как критично для кошки иметь такие переломы. Но мама выходила любимую тварь и в следующий сезон на наших фрамугах появились решетки...

*

Рыжий оклемался. Смотрел на меня влюбленными глазами и был по-своему счастлив. Единственное, что мешало — его передние лапы навсегда поссорились с задними. Бегал он «в разнос», то есть в разные стороны, передняя часть не ведала, о чём живет задняя.

Это было смешно. Мне хотелось взять Рыжего за шкурку, поднять и показать всему миру. Всем депрессирующим, отчаявшимся, рассказать, как этот кот, будучи котёнком отчаянно цеплялся за жизнь. Его глаза говорили о готовности жить. О желании вопреки смерти доказать, что на переломы — плевать, на жизненные неурядицы — плевать, всегда найдутся руки, что накормят и вылечат.

*

— Кто-то еще есть в квартире? — спрашивает мент.

Мы небольшой компанией двигаемся в сторону моего дома. Вопреки моему желанию и жизненным убеждениям. У капитана есть ордер на обыск, у меня — наручники и мера пресечения.

— Есть, Рыжий, — говорю.

— Подельник? — спрашивает.

— Кот, обычный серый кот...

Стоит ли говорить, как охренела опергруппа, когда увидела это создание. Кот орал, делал немыслимые кульбиты, падал через правую лопатку, поднимался и снова падал, он всеми фибрами пытался выскочить в подъезд и непременно боком, делал круги на полу как заправский дрифтер.

— А почему... Рыжий?..

Меня увезли в тюрьму, кота отдали знакомым и больше я его в своей жизни не видел. Осталось лишь это воспоминание и преданные глаза, полные любви и благодарности...

ГЛАВА 4

К смерти

«Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались»

Смерть бесцеремонна. Изобретательна. Вероломна. Всегда поражает своей внезапностью. К ней нельзя быть готовым. Она не дает сказать последнее слово родным. Последнее прости, или последнее прощай, — ей запредельно не важно.

Она любит контрасты, в них можно удивиться мертвому водолазу в сгоревшем лесу, или с облегчением вызвать скорую для констатации факта долго сопротивляющемуся родственнику, который мешает тебе жить и заниматься делами последние полтора года. Мешает своей четвертой стадией, своим микозом, своими пролежнями, своим чертовым недержанием и этим ужасным запахом...

Вдох-выдох.

Она всегда стоит у изголовья и наблюдает. Наверное, ей интересно — кто сей. Вы когда-нибудь видели, как нелепо выглядит человек, которого только что сбила машина? Чем выше была скорость — тем нелепее. Он лежит весь переломанный и старается скользнуть сквозь дебри неприятия. А беда уже здесь — склонилась и ждет, считает — вдох-выдох...

В его взгляде целая гамма чувств. О нет, пока не стонет от боли, он еще не вкусил её, но выглядит не просто беспомощным и жалким, — он знает, что выглядит максимально неуклюже. Человек смотрит на собравшихся зевак как провинившийся школьник. Нарушил... перебежал... переоценил... Его взгляд блуждает в поисках того, кто знает, что нужно сейчас, — где пережать, сделать надрез, вставить трубочку, наложить шину, позвонить сто-двенадцать... или ноль-три... или... он должен знать-куда-звонить-и-что-говорить...

Человек ищет того, кто будет с ним делать что-то, чтобы понять, что еще не все. Судорожные попытки ухватиться за стремительно ускользающую надежду. И медленно наползающая осознанность случившегося. Вдох-выдох.

Зерцало пограничья пугает своим холодом. Человек с легкостью отдаст доктору все свое нажитое барахло за одну лишь фразу — «потерпи, все будет хорошо...» Меняю! Я меняю все — за надежду!

Однажды у меня был такой взгляд. Я не понял, что произошло, лишь почувствовал, как холодное жало дважды лизнуло меня в пьяную плоть. Я перепачкал кровью милицейский уазик. Я что-то из сказки про зазеркалье. Я смотрел на людей в форме глазами Шалтай-Болтая и чувствовал, как дорого, оказывается, стóит каждая секунда... «Ждите, сейчас приедет скорая...»

Вместо надежды — холодное безразличие — самое страшное, пожалуй, на что можно наткнуться в критический момент жизни. Два черных зрачка, или это обрез двустволки — уже все равно.

Карета приедет не скоро. Золушку загрузят и она будет трястись в оганерскую больницу, теряя последние капли крови, в сознании постепенно исчезнут сначала звуки, потом цвета, все вокруг наполнится черно-белым вакуумом.

Страшно ли было умирать? Наверное нет, на тот момент я уже давно умер. И оплакивать, по сути, было нечего. И некому. В каком-то отрезке времени мы ничем не отличаемся от кузнечика, на которого наступили. Жил, чтоб кайфовать, чтобы раздобыть денег, чтобы замарать мозги, бухлом и свежим сериалом, чтобы набить утробу, чтобы выломать новёхый шмот, чтобы...

Мы были слишком заняты тем, чтобы справиться с опостылевшей жизнью как можно скорее. Мы. Поколение душевных калек. Нёкогда не помилованы. Нёкогда совсем не люди, не народ, не социум. Тысяча как одна ночь.

Некто вырастает прямо из асфальта, наверное, он сообщит мне, что кто-то умер. Другие грибы тут не растут. Это север. «Привет. Слышал, Люба умерла?»

Умерла Любовь, как это печально, подумаю я, а вслух произнесу «... в отличие от нас она еще не успела разложиться...»

Вдох.

Сколько вдохов человек не совершит за всю жизнь — выдох будет последним. Особенность легочных мышц, хотя было исключение...

Интересно другое — какая мысль мелькнет в затухающем сознании последней.

Я знаю про это не понаслышке, в тот миг я вспомнил про слово покаяние. Чьи-то руки вытаскивают у меня из рук бутылку пива. Юлька орет на ментов, чтобы нас увезли в больницу. Мне очень холодно и страшно. Я облокотился на уазик и сполз на землю, оставляя красное на зеленом. Последнее, что запомнилось, это обращение к Господу, которого я не знал. А ведь у Него были пробиты еще и ступни, ноги Его согнуты в коленях... грудные мышцы под тяжестью тела находятся в положении «вдох», и чтобы выпустить воздух из легких — надо напрячь бедра и привстать — выдох...

Как далеко может зайти человек в своей изобретательности? как быстро может улетучиться всё человеческое в попытках перещеголять остальных — кажется тот, кто ставил точку в этом Споре был счастлив от своей виртуозной инклюзивности, о да, терновый венец был вишенкой на торте безумия. Хотя, вполне возможно, этот искусник осознал свое помешательство от воздействия на Универсум.

Ничего не изменилось за столько веков, ровно ничего. Мы стремительно пытаемся наперегонки опустить этот мир в могильник, наши ставки стали крупнее, мы стали изобретательнее, сегодня терновый венец весит сотни мегатонн.

Как избавиться от ощущения всемирной паранойи, как нам остановиться, чтобы созерцать то, ради чего действительно стоит остановиться, — я не знаю. Мне нужен некий избавизм, — то, чего хочу — не могу получить, а то, до чего могу дотянуться — на хрен не нужно. Вот поэтому важно поймать то самое равновесие, дзен, если хотите, несмотря на всю фатальность нашего сумасшествия и спортивную ходьбу в преисподнюю.

ГЛАВА 5

К жизни

*«Если идти и никуда не сворачивать, то непременно выйдешь к
большой воде, вопрос времени...» Север*

Две крайности в жизни человека: плохо, когда он помешан на бытии, и когда в это вообще не умеет. В одном случае — минимум одиночка строго содержания, способная обнаружить в тебе природу самых гадких противоречий и амбиций; в другом же анархический беспредел неприятия всего, но и в этом случае покрытое плесенью эго будет довать и тявкать.

А время летит мимо, не обращая внимания ни на тех, ни на других, ему плевать — успеваешь ты или нет. Оно открывает запретные двери угнетенного некогда сознания, перемещает тебя в пространстве, обнаруживает истину, дарит надежду на будущее, дарит опыт.

Если кажется, что время движется незаметно, — просто перестань думать, зайди в комнату, закрой дверь, задерни шторы, выключи свет, захлопни глаза, снова перестань думать и ты услышишь, как оно там летит, или, может, свистит, как снаряд, шумит как река или воет, как ветер в бутылке, но ты услышишь, если перестанешь думать обо всем ненужном.

Мысли в тишине квартирнoго вакуума, — это отпущенные поводья повседневной суеты. Крикни резко в этой своей наглухо зашторенной комнате, и эхо будет толкаться где-то под потолком, старательно ища выход, а мысли, словно испугавшись, на секунду замрут. Но лишь на секунду.

В этот самый миг может показаться, что время тоже остановилось и тут же все ненужное возобновится: «ночь-улица-фонарь-аптека, что это за мантра такая; авеши проникли в сознание людей, откуда в моей голове это возникло, и, главное, зачем; надо убрать суп в холодильник; добавьте гóлоса в мониторы пожалуйста; не забыть позвонить Ленке; а если поменять местами аптеку и этот чертов фонарь — магия исчезнет, интересно; однажды все узнают Малевича не по черному квадрату, а по Великому Обману Человечества...» — и так до бесконечности — они, мысли, будут стремительно напoлзать друг на друга, часто не имея ни начала, ни конца, словно подгоняемые его величеством Временем.

Покрошим сюда же дела сердечные, и плита станет еще чуточку мраморнее: «Ты давно в её плену: голос, улыбка, взгляд, её сарказм, её ирония и... детская чистота, но вы можете быть вместе не в этой реальности. Ты давно в её плену, и тебя не собираются ни отпустить, ни обменивать. Смирись...»

За всей этой хренью тенью глумится счастье. За всем этим многообразием форм таится оно же — либо мимолетное, и впоследствии остается в воспоминаниях типа, «ах как хорошо было/могло быть тогда», или «тогда» тождественно с «ним»/ней», либо очень удобно-приобретенное свойство сознания забыть напрочь то, что постоянно выдает на-гора совесть, уж это посольство божье всегда начеку и всегда будет подкидывать пищу.

Истина и суррогат, — хорошие зерна кофе где-то в маленьком израильском магазинчике и три-в-одном на кассе в «пятерочке»; дорогое стекло в солнцезащитных очках или неплохой пластик — продавец пытается вручить «отличный поликарбонат».

Он не любит настоящее.

Он не любит читать.

Он не осилит даже этот текст.

Он не знает о счастье.

Ничего.

Что можно черпать его из нескончаемого божьего источника постоянно, потому что этот источник — неиссякаем. Получив доступ к сердцу Бога, можно оказаться в эпицентре тех событий своей жизни, которые неминуемо приведут тебя в состояние эйфории, что ищут горемыки вся земля. Сердце плавится покаянием, и Его совершенная любовь через тебя наполняет все вокруг.

Но тут можно вернуться в начало спирали: «две крайности в жизни человека», так вот если он в нее не умеет, — то истина к нему придет в прямоугольном очертании, метра два с половиной в длину на метра три в глубину, крашенная оградка, случайные лютики. Но тогда уже беспокоиться не о чем и поздно рыться в блокноте «чего не успел», а там будет все: о найденных на тропе жизни фобиях, о неоконченных рассказах, о персонажах, которых потерял или убил, о неотредактированных рукописях, и том самом эдельвейсе, что растет на краю скалы.

ГЛАВА 6

Человеку

Риторический ответ тоже имеет право на быть. Почему-то знак зеркального вопроса существует, мало того, им даже пользуется часть людей, а другая же часть не знает, что развернутый вопросительный знак подразумевает под собой «риторическое» начало в конце предложения. Например, вопрос «что ты выберешь сегодня, правду или свою безопасность», может надолго загнать в рамки раздумий.

Не понимаю. Непонятно. Что тебе непонятно? о чем тот или иной текст? может быть он написан в той плоскости, в которой ты никогда не был?

Нужно ли вообще иметь это понимание, ведь можно интуитивно проглатывать буквы, ни о чем конкретно не думая и не терзаясь наслаждаться моментом.

« — О, и тебе это нравится?

— Нравится что?

— Быть умником...

— ... вполне...

— Превосходно, так держать. Вопрос этикета, — как повернуться, проходя мимо вас, задницей или мошонкой? » (Ч. Паланик)

Разница между риторическим вопросом и риторическим ответом настолько огромна, насколько мы о себе хорошо думаем, не выглядя так на самом деле. Порой кажется, что все такие хорошие, правильно себя ведем и тонко чувствуем мир, а через час на заправке орем на какого-то мудака, что посягнул на твоё самое, на время, нагло влез без очереди или подрезал на дороге.

Подбородком небо царапаем, после — колею до грунта.

Неинформативно.

Нет ответа.

Или ответ есть, но он лежит вне плоскости нашей юрисдикции.

Мы приучены на любое поручение [родителей, начальников, государства] задавать вопросы технические, например, «как лучше это сделать» вместо того, чтобы напрямую задавать тематические: «а для чего мы это делаем», или: «а что будет, если этот план...»

Нам не дотянуться до. Остается шанс найти в глубине сознания завесу, за которой спрятался чистого золота универсум, в котором для нас упрятан истинный схран — свидетельство. Для чего. Ну хотя бы для того, чтобы спасти нас самих от себя самих, спасти планету, как вам удобнее.

Интересно, — наш внутренний адвокат намного искуснее внутреннего прокурора. (Vivat Виктор Олегович) Мы виртуозно найдем себе оправдание, при необходимости прибегнем к текстам священного Писания, будем долго трясти и доказывать, приводить весомое и неоспоримое. Наша самоправедность не оставит и мизерного шанса, наша уверенность обладает неимоверной силой критического урона, — только посягни на суверенитет и узнаешь, почем фунт лиха.

С прямыми вопросами все гораздо проще. С прямыми ответами — нет. Ты задаешь прямой и конкретный вопрос, а ответ размыт настолько, что через двадцать минут ты забываешь начисто даже о чем спрашивал. С такими лучше не вдаваться в полемику, они в любом споре знают, как надо поступить и где кроется истина.

Они уверены, что преуспели во всем.

Им не нужен Бог, им чуждо спасение.

Им нравится сама мысль, что Бог есть в их начале, но верить Ему не хотят.

« — Знаешь, что такое «дюве»?

— Комфорт?

— Одеяло, просто одеяло. А зачем таким как мы знать, что такое «дюве»? Это что, разве необходимо для выживания, как умение добывать пищу? Нет. И кто же мы?

— Мы просто потребители?..

— Правильно, потребители. Мы одержимы внешней атрибутикой преуспевания. Убийство, преступность, голод, всё это не волнует меня. А волнуют меня знаменитости и скандалы...» (Ч. Паланик)

Человек по своей природе зависим от внешних обстоятельств. Мы привязаны к материальному, порой начисто забывая о своей духовной составляющей, которая и позволяет во многом ему [материальному] определять бытие. Так как же станем отрицать то, что духовный мир первичен? — никак.

Человек уверен в себе, что ведет себя достойно и правильно, а на краю гибели будет зубами выгрызать себе место в ковчеге. Еще вчера он видел чудо и умилялся, был счастлив как младенец, а сегодня в толпе разъярен и хочет первым прибить гвоздями это чудо к дереву. Сейчас в толпе кричим громче всех «Осанна!», завтра в этой же толпе не менее громче звучит «распни Его...»

Останется ли нам жизнь в самом её первоначальном замысле Творца, или же вернемся в начало Книги, — «...земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...» Будет ли миг осознания в секунде от вечности???

ГЛАВА 7

Себе

Верным спутником по жизни выступает временное безмыслие. Этакая завуалированная часть глубинной равнодушности к происходящему в сей момент.

Внезапно проросший напротив меня человек спрашивает или советует ненужное, втягивает меня в свой эфир, крошит в ум мелко непреодолимое сочувствие. Быть может, я даже что-то отвечаю, провожу эксгумацию некогда приобретенного опыта. Но, совершенно точно, что меня сейчас там нет, я лишь отреченно взираю, чувствуя потешное оттого, что он там разговаривает с Пустотой, я так устроен.

Человек самостоятельно, без чьей-либо помощи упорно протискивается в камеру обособленного содержания без права на. Мало того, он пытается и меня туда затащить, будучи уверенным в необходимости оногo и не маля не сомневаясь — а надо ли это лично мне.

Если вовремя распознать это непреодолимое желание человека занять тебя в качестве сочувствующего союзника, не вестись на всякого рода гуманитарку, то можно вполне найти силы ответить вежливым отказом, либо совсем невежливым, хотя почась это не всегда возможно в силу мягкости характера. С годами трудно направить человека недвусмысленно и без компромиссов на хрен, или подальше — ведь и в этом случае, не исключено, — он будет искать рациональное зерно в плоскости моего неразумения.

Время от времени всплывают те, кому просто необходимо услышать подобное, парадокс; периодами возникает желание побыть пустотой, чтобы понять конкретного человека, где у него какие личинки запряты и чем это ему грозит; амбиции, уродливо гребущие людей подальше от Бога, упрямство, толкающее день ото дня в стремительно надвигающийся чужой берег, факельное шествие самоправедных, знающих наизусть все ломбарды и цену за серебро. Всегда готовы молотки с костылями и жгучее желание забить их в прекрасные изгибы запястий.

Иные прячутся за ширмой повседневности в поисках насущного — им нужен корм. Такие сами становятся впоследствии пустотой, но это другая, качественно новая форма пустоты, скорее вакуум, и вырваться из этого плена практически невозможно. Хаос в чужой голове не твой хаос. Не надо стремиться во чтобы то ни стало оказаться там, иногда это не надо, или становится надо, но не сейчас. Люди не хотят, чтобы им помогали. Им написано пройти свой путь, прочувствовать свою пустоту, *le vide en nous*.

Путь домой.

Мы все идем домой.

Вместе и порознь.

Живые.

Раненые.

Радостные или убитые горем.

Добрые.

Злые.

Странные.

Аморфные или гиперактивные.

Готовые оголить свой нерв.

Сидящие глубоко в раковине.

Убаюканные.

Недолюбленные.

Свободные.

Влюбленные наперекор.

Обреченные любить.

Спасенные во Христа.

Бегущие наперегонки в преисподнюю.

Должно быть стыдно или так кажется, ведь служение людям не подразумевает под собой этой самой пустоты, — всякая пустота лишь отчасти пустота. В ней определенно есть я. То есть должен быть я, знающий, владеющий, имеющий и сильный. Но этот я бывает самым разным на временном отрезке жизни. Иногда убаюканный собственной значимостью и стремящийся причинить добро во что бы то ни стало, иногда уставший и вымотанный такой безучастный фарисей. И даже тут не стыдно, в этом тоже моя часть меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.